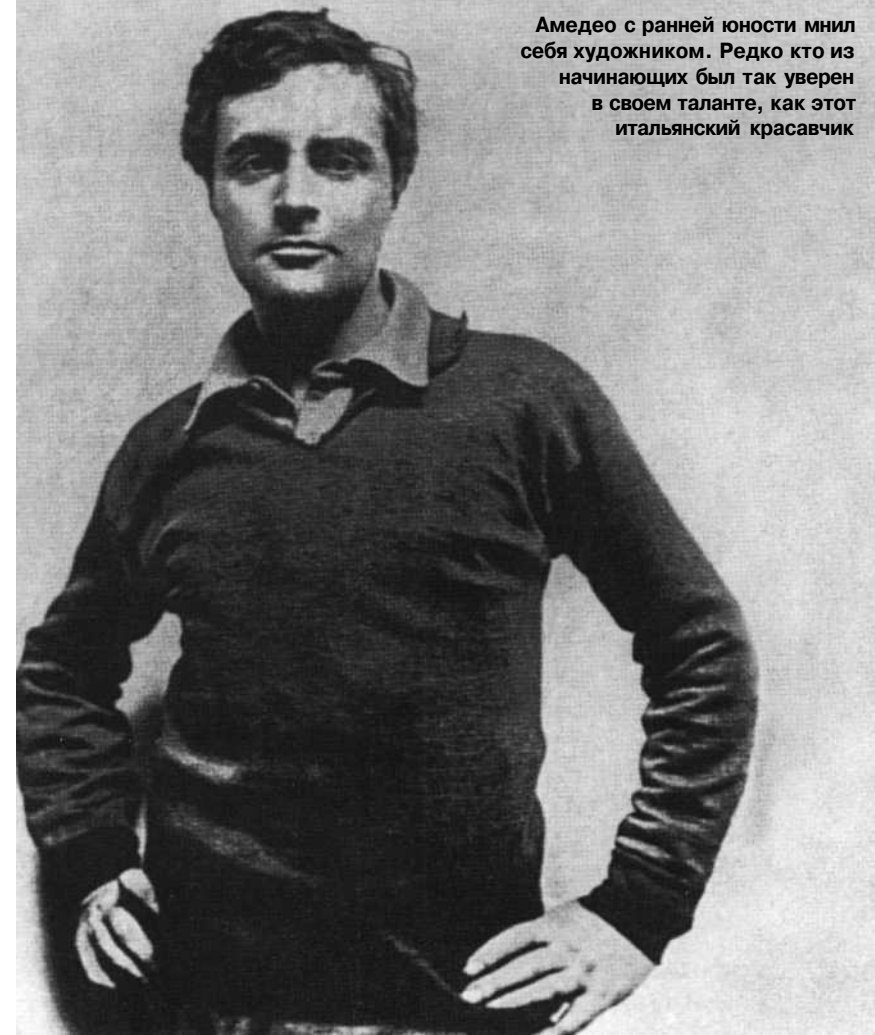

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ: ПАДЕНИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Поздно ночью Модильяни и Жанна Эбютерн шли вдоль ограды Люксембургского сада. Неожиданно из его груди вырвался какой-то нечеловеческий вопль, напоминающий рев раненого зверя. Он бросился на Жанну и с криками: «Я хочу жить! Ты слышишь? Я хочу жить!» начал ее избивать. Потом схватил за волосы и изо всех сил толкнул на железную решетку сада. Жанна не проронила ни единого звука. Слегка оправившись от удара, она сама поднялась, подошла к Модильяни и взяла за руку. Его внезапная ярость уже растаяла, как снег на солнце, и по лицу текли ручейки слез. «Я не хочу умирать, — говорил он Жанне. — Я не верю в то, что там что-то есть».

Амедео с ранней юности мнил себя художником. Редко кто из начинающих был так уверен в своем таланте, как этот итальянский красавчик

«Моди, — ласково и очень мягко произнесла Жанна тоном, каким уговаривают заупрямившегося ребенка, — я же столько раз тебе про это рассказывала. Ну почему ты еще сомневаешься?» Он доверчиво прильнул к ней, и через пару минут странная пара скрылась за поворотом дороги.

...Модильяни угасал. В последнее время он изменился до неузнаваемости и стал похож на призрак: костлявый как скелет, с синюшным цветом лица и трясущимися руками. Ни для кого, разумеется, не было секретом — на Монпарнасе не бывает секретов, — что у Модии туберкулез, но эта болезнь преследовала его с ранней юности, и он умел справляться с ней и при гораздо худших обстоятельствах. По Парижу поползли слухи, что с тех пор как Модии связался с Жанной Эбютерн, она, словно вампир, высасывает из Модильяни его могучую жизненную силу.

Если бы не эта сила, он слох бы в одной из парижских канав еще тринадцать лет назад. Тогда, осенью 1906 года, в Париж приехал избалованный шеголь Амедео, или по-домашнему Дэдо, отпрыск некогда зажиточной, а теперь обедневшей еврейской семьи из итальянского городка Ливорно. Смазливую юношу с вьющимися черными волосами, облаченного в строгий темный костюм с твердым воротничком, застегнутую на все пуговицы жилетку и белоснежную рубашку с накрахмаленными манжетами, на Монпарнасе сначала приняли за биржевого маклера. Амедео это чрезвычайно задело, потому что маклером на самом деле был его отец Фламинио Модильяни, о чем молодой человек не хотел распространяться. Он предпочитал представляться сыном богатого римского банкира и правнуком Бенедикта Спинозы. И то, и другое было чистой воды враньем.

Амедео с ранней юности мнил себя художником — он немного учился живо-

писи во Флоренции и Венеции, в Париже же приехал для того, чтобы познакомиться с новым искусством и, разумеется, стать знаменитым. Редко кто из начинающих художников был так уверен в своем таланте, как этот итальянский красавчик. Впрочем, Монпарнас кишел такими же, как он, непризнанными гениями, съезжавшимися сюда со всего света.

Оказалось, что для того чтобы быть художником в Париже, надо не столько уметь рисовать, сколько быть способным вести совершенно особенную жизнь. Жалкий сарай из деревянных досок и листов жести — таким было первое жилище Амедео. Стены, завешанные рисунками и набросками, из мебели — два найденных на улице плетеных кресла со сломанными ножками. Постелью служило брошенное в углу тряпье, столом — перевернутый ящик. Амедео с энтузиазмом обустроивался в новой квартире — в конце концов главное, что он теперь в Париже, а совсем скоро станет знаменит и тогда подыщет себе что-нибудь попривлекательнее, а эту лачугу превратят в музей. Амедео знал, что на помощь семьи рассчитывать нечего — отец от них давно ушел, а денег, которые посылала ему мать, едва хватало на холсты и краски. К тому же условия жизни Модильяни были для Монпарнаса в общем-то обычными. Находящаяся неподалеку мастерская Пикассо, например, являла собой зрелище ненамного шикарнее.

В Ливорно Амедео привык общаться с чистенькими благовоспитанными юношами из хороших семей, тут же пришлось водить знакомство с весьма странной публикой: парижская художественная богема состояла по большей части из гомосексуалистов, наркоманов, альфонсов, религиозных фанатиков всех направлений, каббалистов, мистиков и просто сумасшедших. Яростные споры об искусстве, начинавшиеся обыкновенно в мастерской Пикассо, переносились в знаменитое кафе «Ротонда», где энтузиазм спорщиков подогревался лошадиными дозами алкоголя и гашиша.

Вскоре Модильяни превратился просто в Модии и его уже знала каждая собака в округе. Так как никто не желал давать за его рисунки ни сантимта, Модии скоро стало нечем платить даже за лачугу. Иногда он коротал ночи под столом в трактире, иногда — на скамейке в парке, а потом устроил себе жилье в заброшенном монастыре за площадью Бланш, где любил работать по ночам под гулкой аккомпанемент ветра, врывающегося в глазницы окон. У Модии имелись свои причуды, за что, кста-

ти, многие на Монпарнасе его уважали: так, он предпочитал голодать, но наотрез отказывался, в отличие от других, выполнять работу только ради денег — например, рисовать вывески. Он был великим максималистом и не желал транжирить свой талант. Не раз товарищи уговаривали его воспользоваться простым и надежным способом набить себе желудок рано утром под дверями зажиточных горожан разносчики оставляли свои товары — булочки, бекон, молоко, кофе. Немного ловкости и умения — и тебе обеспечен восхитительный завтрак Однако гордый и шепетильный Модильяни никогда не соглашался в этом участвовать.

Монпарнасе славу первого любовника. Парадокс заключался в том, что бедняга Модии на самом деле совсем не интересовался женщинами. Он отнюдь не был гомосексуалистом, но на барышень смотрел только как на более или менее удачную натуру. В его постели перебивали все до единой его модели — проститутки, служанки, цветочницы, прачки. Предложить натурщице разделить с ним ложе после сеанса позирования было для Модильяни таким же актом вежливости, как у буржуа предложить гостям чаю, и значило ровно столько же — ни больше ни меньше. Он желал не наслаждаться, а воплощать. Он искал свой живописный материал.

Вместо вожделенной славы живописца Модии очень скоро приобрел на Монпарнасе славу первого любовника

Ради чего он терпел такую нужду? Его картины в среде художников считались «мазней», никто не относился к ним серьезно. Обиженный таким отношением, Модильяни перестал ходить к Пикассо и постепенно отдалился от его кружка, тем более что авангардное искусство его почти не интересовало. В гордом одиночестве он пытался на холсте или бумаге придать форму тому, что смутно чувствовал, но еще не знал, как выразить.

Вместо вожделенной славы живописца этот итальянский еврей, красивый, как античный бог, очень скоро приобрел на

Впрочем, женщины не входили во все эти тонкости и принимали его галантность за чистую монету. То есть за любовь или по крайней мере за влюбленность. Летом 1910 года в Париж приехали молодые Анна Ахматова и Николай Гумилев. Ахматова с первого взгляда пленилась этой «достопримечательностью Монпарнаса». Модильяни показался ей самым живописным мужчиной, которого она когда-либо видела: в тот день он был одет в желтые вельветовые брюки и такого же цвета свободную куртку. Вместо галстука — ярко-оранжевый шелковый бант,

Анна Ахматова на рисунке работы Модильяни (1911 г.)

**Знаменитая «Ротонда», навсегда
которой был Амедео Модильяни**

ночась в Модии словно что-то надломилось: на горизонте появилась девушка с длинными прямыми волосами...

Впервые он увидел ее все в той же «Ротонде», куда 19-летняя Жанна Эбютерн, студентка Художественной академии Коларосси, забрела как-то со своей подругой выпить аперитив. Модильяни, по обыкновению занимавший свое излюбленное место у стойки, заметил новое лицо, вперил в него взгляд и долго пристально рассматривал.

«Посиди так», — через несколько минут обратился он к Жанне и тут же начал набрасывать на листке бумаги ее портрет. Той же ночью они ушли из ресторана обнявшись — так началась одна из самых странных любовных историй на Монпарнасе. На следующий день после знакомства везде, куда успел в течение дня забрести Модии, чтобы пропустить стаканчик — в «Ротонде», у Розали, в «Проворном кролике», — он производил впечатление окончательно рехнувшегося

С Беатрис Хастингс Модии умудрился прожить два года. Они вместе пили, буянили, дрались и выдирали друг другу волосы

вокруг пояса — огненно-красный шарф. Пробегая мимо со своей неизменной синей папкой с рисунками, Модильяни тоже остановил взгляд на изящной русской. «Весьма и весьма любопытная натура», — подумалось ему, и он, широко улыбнувшись, заговорщицки подмигнул девушке, потом сорвал с клумбы цветок и бросил к ее ногам. Рядом с Анной стоял Гумилев, но он только пожал плечами: ему было известно, что здесь, на Монпарнасе, законы общепринятой морали отменяются.

Модии никогда не зацикливался на женщинах, они входили в его жизнь и покидали ее, оставляя сердце нетронутым: Мадлен, Натали, Эльвира, Анна, Мари — бесконечная вереница красавиц, чьи прелести он обессмертил своими полотнами. С одной из них, английской журналисткой Беатрис Хастингс, Модильяни умудрился прожить целых два бурных года, но в ней он видел скорее «своего парня», чем любовницу. Они вместе пили, буянили, дрались и выдирали друг другу волосы. И когда Беатриса заявила, что с нее довольно «всей этой экзотики», Модии не очень расстроился.

Как-то Модильяни признался своему закадычному другу, скульптору Бранкузи, что «ждет одну-единственную женщину, которая станет его вечной настоящей любовью и которая часто приходит к нему во сне». И тут же на подвернувшейся под руку грязной салфетке набросал портрет той «одной-единственной». Бранкузи запомнилось только, что у нее были прямые длинные волосы.

Несмотря на бурную жизнь и слабое здоровье, энергия в Модильяни была ключом: он умудрялся писать иногда по несколько картин в день, употреблял такие гремучие смеси гашиша с алкоголем, что они валяли с ног иных здоровяков, участвовал во всевозможных карнавалах, увеселениях, дурачествах — словом, жил на полную катушку. В нем никогда не иссякали энтузиазм и надежда на то, что его вот-вот заметят, оценят, откроют... Ведь в конце концов даже высокомерный Пикассо признал, что у Модии есть талант. Со временем Модильяни обзавелся даже собственным агентом — поляком Зборовским, который стал находить покупателей на его картины. И вдруг в од-

Портрет Беатрис Хастингс. 1915 г.

человека. Его глаза возбужденно блеснули, он не мог усидеть на месте и то и дело вскакивал со стула и вскрикивал: «Нет, вы послушайте!» Приятели удивленно переглядывались: что случилось с Моди? «Я встретил женщину из своих снов! Это точно она! — то и дело повторял художник, словно кто-то ему возражал. — Я могу вам доказать: у меня есть ее портреты — удивительное сходство!» Друзья реагировали на эти речи жизнерадостным хохотом — разумеется, никто не сомневался в том, что Моди так острит. На Монпарнасе не принято рассуждать всерьез о вечной любви. Это безвкусно, буржуазно, и от этого всех тошнит.

Однако Жанна действительно оказалась женщиной Модильяни, его идеальным типажом. И он, конечно, понял это с первого взгляда. Ей не нужно было искусственно удлинять шею и овал лица, как он делал это, рисуя портреты других женщин. Весь ее силуэт словно стремился вверх, вытянутый и тонкий, как готическая статуя. Длинные, по пояс, волосы заплетены в две косы, голубые миндалевидные глаза словно смотрели куда-то поверх этого бренного мира и видели нечто, недоступное другим. Никто не назвал бы Жанну красавицей, но в ней было что-то завораживающее — это признали все.

А вот что нашла юная девушка в тридцатидвухлетнем изможденном полубродяге с горящими глазами туберкулезника? К 1917 году, когда они встретились, Моди был уже далеко не тот романтический красавец, который когда-то привлек внимание Ахматовой. Буйные черные кудри поредели, зубы — вернее, то, что от них осталось, — почернели. Когда мадам и месье Эбютерн, добропорядочные мещане-католики, узнали, с кем связалась их дочь, они тотчас пригрозили ей родительским проклятием, если она немедленно не оставит этого грязного еврейлохмотника. Отец семейства Ашиль-Казимир Эбютерн занимал чрезвычайно солидную, с его точки зрения, должность старшего кассира в галантерейном магазине. Он носил твердые воротнички, черный сюртюк и был напрочь лишен чувства юмора. Эбютерны лелеяли мечту вырастить своих детей — сына Андре и дочь Жанну — такими же добропорядочными людьми, какими считали себя.

...Теперь Модильяни ежедневно появлялся в «Ротонде» или у Розали в обществе Жанны. По обыкновению он сначала рисовал посетителей, которые ему чем-нибудь приглянулись, предлагал свои рисунки забредавшим полюбоваться на местное колоритное общество иностран-

цам (Моди всегда просил мизерную плату, а если и она не устраивала потенциального покупателя, он тут же на его глазах рвал рисунок на мелкие клочки). К ночи, изрядно набравшись, он непременно начинал кого-нибудь задираТЬ. Но даже если Моди ввязывался в пьяную драку, Жанна не делала ни одного жеста, чтобы его остановить, и взирала на это с поразительным бесстрашием. В ее голубых глазах не отражалось ни страха, ни беспокойства. Часам к двум ночи Моди буквально за шкуру, как нашкодившего пса, вышвыривали из заведения. Выждав минуту, Жанна поднималась и молчаливой тенью следовала за ним.

Нередко они сидели на скамейке до самого утра в полном молчании, вдыхая холодный ночной воздух и глядя, как звезды постепенно бледнеют и уступают место рассвету. Моди то начинал дремать, то снова просыпался, пока Жанна не тянула его за рукав — это означало, что пришло время проводить ее домой. Моди послушно плелся за Жанной по гулким и пустынным парижским бульварам на улицу Амьё, где жили ее родители, и потом еще долго стоял под окнами, слушая, как в предрассветной тишине на всю округу разносятся вопли мамыши Эбютерн, встречающей за порогом свою непутевую дочь — «потаскуху, прости-тутку и жидовскую шлюху».

Он бы немедленно увел ее с собой от этих напыщенных кретинов Эбютернов, но куда Моди мог привести Жанну? В грошовые номера гостиниц с клопами и тараканами? На скамейки в парках?

Вскоре, однако, проблема разрешилась — друг и агент Модильяни мсье Зборовский сделал широкий жест, предложив оплачивать для него квартиру в том доме, где жил сам, за что художник обещался поставлять ему не менее двух картин или рисунков в неделю. Збо ни капельки не сомневался, что Модильяни — это талантище, который нужно всячески поддерживать, и что когда-нибудь эти идиоты-коллекционеры поймут, кого надо было покупать в Париже.

В начале 1917 года Моди вместе с Жанной переехали на улицу Гран-Шомьер. А на следующий день Моди закатил пир горой в ресторанчике у Розали: по случаю новоселья Зборовский ссудил Модильяни деньгами. Вдруг в дверях замаячила Симона Тиру, художница и натурщица, бывшая подруга Моди, окруженная ватагой своих приятелей. Все насторожились. Рыжеволосая Симона надвигалась прямо на Жанну, выставив вперед огромный живот. «А знаешь ли ты, куколка, что

Вместо того чтобы по утрам браться за кисть, Моди бродил от одного кафе к другому, продавал свои наспех сделанные рисунки и на жалкие сантимы покупал выпивку

вот он, — указывая на Моди и постукивая себя по животу, — отец этого несчастного ребенка?» «Ты спала со мной ровно столько же, сколько со всеми здесь присутствующими! Так что осчастливь своим ребенком кого-нибудь другого! — вскакивая со стула, кричал Моди. — Я признаю ребенка только от нее! — Моди показал на Жанну. — Только она одна будет носить моих детей!» Вокруг недоуменно переглядывались — Моди вел себя совершенно неадекватно. Во-первых, все знали, что он

долго жил с Симоной, и весьма вероятно, что ребенок, которого она носит, именно от него; кроме того, такая история была на Монпарнасе самой что ни на есть заурядной — здесь частенько не могли разобрататься, кто от кого рождает. Если бы Моди с той же невозмутимостью, с какой он выпивал порцию бренди, признал ребенка, это выглядело бы нормальным. Всем вокруг, включая Симоны, было прекрасно известно, что взять с него совершенно нечего, так что признал бы — иде-

ло с концом. Скорее всего Симона и ждала чего-нибудь в этом роде, но Модильяни заходился в крике, а Жанна смотрела на нее и молчала. Симона поймала ее бесстрастный загадочный взгляд, и неожиданно ей стало страшно. «Ты ведьма! — по-кошачьи прошипела она сопернице. — Или помешанная!» И прибавила скороговоркой: «Бог проклянет и тебя, и твоих детей». «А тебя, красавчик, — произнесла Симона, поворачиваясь к Моди, — твоя богиня быстро сведет в могилу. Так что увидимся на том свете!» И Симона отчаянно закашлялась — она, как и Модильяни, страдала туберкулезом.

С появлением Жанны жизнь Модильяни не только не вошла в спокойное русло, а напротив, совершенно разладилась. Теперь, вместо того чтобы по утрам браться за кисть, Моди старался побыстрее ускользнуть из дома, оставляя свою Жанну на весь день в полном одиночестве. Он брел от одного кафе к другому, продавал кому-нибудь свои тут же наспех сделанные рисунки и на эти жалкие сантимы покупал себе выпивку. Вскоре Моди уже потерял способность работать трезвым. После полуночи Жанна отыскивала его в одном из питейных заведений, а нередко и в комиссариате полиции и приводила домой. Она раздевала его, умывала, укладывала спать, не проронив ни единого упрека. Они вообще до странности мало разговаривали друг с другом.

Вовсе не Жанна, которую Моди называл своей женой, а Зборовский с раннего утра, пока Моди еще не успел улизнуть, начинал умолять его «немного поработать». Моди капризничал, кричал, что не может писать в комнате, «ледяной, как

протести Сибири!» Збо приносит дров, становится жарко, как в пекле, и тогда Модди «вспоминал», что у него нет красок. Збо бежал за красками. В это время какая-нибудь обнаженная натурщица терпеливо наблюдала за всем этим, примостившись в уголке жесткого неудобного дивана. Прибегала Ханка, жена Збо, обеспокоенная тем, что ее муж слишком долго глазеет на голую девку (к тому же она злилась, что Модильяни рисует «всяких глупых овец», а не ее). Среди этого бедлама, криков, воплей и уговоров полнейшую невозмутимость сохраняла только Жанна. Она либо что-то тихо готовила в другой комнате, либо рисовала. Ее лицо, как обычно, оставалось совершенно ясным и безмятежным.

Кончалось обычно тем, что Збо собственноручно приносил из соседнего магазина бутылку рома. Он понимал, что если Модди совсем перестанет работать, то завтра им с Жанной будет нечего есть. У Збо почти не осталось рисунков Модди, которые можно было быстро продать,

продолжила Жанна. — Когда он умер, все сразу это поймут». Зборовские испуганно переглянулись и поспешили перевести разговор на другую тему.

Шла Первая мировая война. Начались бомбардировки Парижа. Монпарнас опустел — все, кто мог, ушли на фронт. Рвался и Модильяни, но иностранцев, к тому же туберкулезников, в армию не брали. Во время авиационных налетов на город Модди и Жанну часто можно было встретить на улице — они спокойно прогуливались под рвущимися снарядами и вовсе не спешили укрыться в бомбоубежище...

Сразу по окончании войны спрос на картины Модильяни неожиданно вырос; не последнюю роль в этом сыграла большая выставка французской живописи, открывшаяся летом 1919 года в Лондоне. Впервые критики обратили внимание не только на картины Пикассо и Матисса, но и на полотна Модильяни. Теперь Зборовский выдавал Модди по 600 франков в месяц (для сравнения: очень приличный обед из супа, мясного блюда, овощей, сы-

Жанна действительно оказалась женщиной Модильяни. Никто не назвал бы ее красавицей, но в ней было что-то завораживающее — это признали все

«Ты ведьма! — по-кошачьи прошипела Симона сопернице. — Или помешанная. Бог проклянет и тебя, и твоих детей!»

поэтому ему придется в очередной раз бежать в ломбард и закладывать свой последний летний костюм. Иначе его чокнутые голубки подохнут с голоду.

Осушив стакан, Модди с проклятиями брался за кисть. Через каждые пять минут он заходил в приступе кашля и харкал кровью так, словно хотел выплюнуть внутренности. Но даже эти душевраздирающие звуки не вызвали у Жанни никаких признаков беспокойства.

Однажды, когда Модди по обыкновению куда-то запропал, Зборовский с женой почти силком затащили Жанну к себе. В два голоса, волнуясь и перебивая друг друга, они стали втолковывать ей, что Модди нужно спасать, что он гибнет: от пьянства, прогрессирующего туберкулеза, а главное — он теряет веру в свой талант. Жанна их вежливо выслушала, отхлебнула из чашки чаю, подняла на Зборовских свои голубые глаза, подернутые какой-то мистической поволокой, и сказала с мягкой уверенностью: «Вы просто не понимаете — Модди обязательно нужно умереть». Они оторопело уставились на нее. «Он гений и ангел, — невозмутимо

ра и литра вина стоил приблизительно один франк двадцать пять сантимов)! На эту сумму человек умеренный мог бы вести вполне обеспеченную жизнь, но Модди, всю жизнь мечтавший о богатстве, теперь был совершенно равнодушен к деньгам.

То же самое относилось и к его возлюбленной — несмотря на то что в ноябре 1918 года у них родилась дочка, Жанна не выказывала потребности ни в новой мебели, ни в приличной одежде, ни в игрушках для малышки. А Модди, получив от Зборовского очередную сумму, тут же отправлялся с кем-нибудь из своих бесчисленных друзей по ресторанам. Теперь уже одной рюмки было достаточно, чтобы Амедео впал в невменяемое состояние и начал крушить столы и посуду. Когда агрессивное настроение покидало его, он затевал новое шоу: вытаскивал из кармана брюк оставшиеся денежные купюры и фейерверком разбрасывал их на головы посетителям.

Модильяни делался все более и более одержимым идеей собственной смерти. Его здоровье ухудшалось с каждым днем, но о докторах и лечении он и слышать не

Портрет Жанны Эбютерн в желтом свитере. 1918—1919 гг.

Там Модильяни поставили диагноз — менингит на фоне туберкулеза. Он ужасно страдал, и ему сделали укол, после которого Моди уже не пришел в себя. Когда врачи вышли сообщить, что Модильяни умер, Жанна спокойно улыбнулась, кивнула головой и сказала: «Я знаю». Войдя в палату (Жанна должна была вот-вот снова родить и ходила переваливаясь, как утка), она надолго припала к губам своего мертвого любовника. На следующий день в морге Жанна столкнулась с Симоной Тиру и вдруг, остановившись, вlepила ей две пощечины, тихо промолвив: «Это тебе за моих проклятых детей».

В день смерти Модильяни, 24 января 1920 года, друзья не позволили беременной Жанне остаться одной и почти насильно проводили к родителям. Для Эбютернов все происходящее было лишь страшным, несмываемым пятном позора. Жанна лежала на диване в своей комнате повернувшись лицом к стене, а родители в гостиной громко спорили о ее дальнейшей судьбе. Папаша Эбютерн настаивал, чтобы падшая дочь навсегда покинула его дом. Брат Жанны Андре

тем временем тихонько поднялся к сестре. «Обо мне не волнуйся, все будет хорошо», — прошептала она ему. А потом рассказала Андре про не раз посещавшие ее видения, что Моди — ангел и гений, которого ждет на небесах вечное счастье, а здесь, на земле, его признают только после смерти; и что она, Жанна, послана в этот мир лишь для того, чтобы сопроводить Моди туда, где им уже никто не мешает любить друг друга...

Вдруг Жанна закрыла глаза и замолчала, словно заснула на полуслове. Вскоре задремал и Андре, но тут же проснулся от громкого стука оконной рамы. Жанны в комнате не было. А внизу, на улице, уже собралась толпа зевак, глазющих на распластанное изуродованное тело беременной женщины...

Предсказание Жанны сбылось — сразу же после смерти Модильяни провозгласили гением, а его картины — шедеврами. Пройдет несколько десятков лет, и на аукционе «Сотбис» портрет Жанны Эбютерн, нарисованный когда-то ее нищим любовником, будет продан за \$ 15 миллионов.

Елена Головина

Когда врачи вышли сообщить, что Модильяни умер, Жанна спокойно улыбнулась, кивнула головой и сказала: «Я знаю»

Портреты Леопольда и Ханки Зборовских (1916 г., 1917 г.)

Предсказание Жанны сбылось — сразу же после смерти Модильяни провозгласили гением, а его картины — шедеврами

хотел. Работу забросил вовсе. Как призрак, Моди бродил по улицам Парижа и изводил всех бесконечным нытьем: «Все, мне конец! Вы знаете, что мне теперь уже точно конец?» Жанна искала его по ночам и не раз обнаруживала валяющимся в канаве, иногда в обнимку с такими же пьяными в дым проститутками.

В начале зимы 1920 года он пришел к Розали, *палил* себе бренди, торжественно произнеся: «За упокой души Модильяни», выпил его залпом и вдруг затянул за упокойную еврейскую молитву, которую слышал еще в детстве в Ливорно. Вовремя подоспевший Зборовский с трудом вытащил упирающегося Модильяни из ресторана, привел домой и силой уложил в постель. Жанна куда-то отлучилась, Збо зашел за чем-то в соседнюю комнату и... замер от ужаса: на стульях стояли два незаконченных полотна Жанны — на одном она сама себе вонзала нож в грудь; на другом — падала из окна...

Когда Збо вернулся в комнату Моди, Жанна уже сидела у постели больного: они о чем-то безмятежно разговаривали. Через час у Моди начался бред, и Збо решил не теряя времени отвезти его в больницу для бедных.